

А.Н. Малукало

Кубанское казачество в вооруженных силах Российской империи. Проблемы истории и историографии

Кубанское казачье войско, созданное самодержавием и являвшееся аванпостом российской государственности на Кавказе, выполняло важнейшую государственную задачу - защищало южные границы империи.

В 1996 году Кубанское войско праздновало своё 300-летие, поскольку старшинство войска установлено с 1696 года, когда хопёрские казаки, вошедшие в состав войска, участвовали в походе русской армии на Азов. Всекубанское казачье войско по праву считается одним из наиболее развитых и структурированных казачьих объединений России. Однако, анализируя итоги и перспективы казачьего возрождения, невольно сравниваешь военную составляющую казачьего войска XIX-начала XX в. и современные казачьи формирования. Несомненно, что в военном отношении неказачьи формирования отличаются кардинальным образом. При этом следует отметить, что этатистские притязания лидеров российского неказачества распространяются и на несение разнообразной государственной службы, в том числе и военной.

В данной связи исследование особенностей прохождения казаками военной службы, места и роли казачьих подразделений в структуре вооруженных сил Российской империи, оценка перспектив развития казачества как военного сословия и военных возможностей войска, вопросы обеспечения службы представляют несомненный интерес и практическую значимость. В данной статье автор преследует цель проанализировать ключевые проблемы использования казачества российским государством в качестве военной силы и историографические аспекты данной проблемы.

Как представляется, казачество следует рассматривать как военное сообщество – полиэтническую социальную общность, сформировавшуюся в приграничной территории – фронтире, отличительной особенностью которой является военное ремесло как основное занятие. Практически во

всех странах в период феодализма существовали различные военизированные группы населения, выполнявшие специфические функции, связанные с военной службой в самом широком смысле. К таким группам можно отнести реконкистадоров на Пиренейском полуострове; кнехтов в Швейцарии; гайдуков, клефтов, граничар на Балканах; гайдамаков на Украине; гуркхов в Индии; самураев в Японии и др. Возникали военные сообщества обычно в периоды смут, в условиях пограничных конфликтов, религиозных войн и войн за национальную независимость, осуществления колонизаций. На начальных этапах существования основным занятием данных сообществ являлась война полуразбойного характера. Однако позже они либо переходили на службу государства на договорных началах, либо исчезали.–

В России потребность в существовании подобного рода сил имела место вплоть до 1917 года включительно. Именно поэтому по воле государства были созданы Азовское, Дунайское, Амурское, Семиреченское, Уссурийское казачьи войска. Однако, как отмечает А.И. Козлов, некоторые из них по мере выполнения поставленных перед ними задач упразднялись.

Само слово «казак» является полисемантическим, что объясняется особенностями истории казачьих сообществ евразийских степных просторов. В различные эпохи под этим словом «скрывались» различные по этническому составу, структуре и занятиям сообщества, которых объединяла война, военное дело как основа жизнедеятельности. С лингвистической точки зрения слово «казак» скорее всего тюркского происхождения, обозначающее вооруженного стража-охранника границы, удальца-наездника.

В период раннего и зрелого средневековья в просторах Дешт-и-Кипчак – «Великой Степи» границ в современном понимании этого слова – как линии разграничения государственного суверенитета – не существовало. Не

было и непреодолимых этнических различий между народами (к примеру, даже в конце XVIII – начале XIX вв. Гегель отмечал, что современная ему ситуация ужасна – русский и немец уже не понимают друг друга, а это значит, что ранее понимали). В этих условиях складывались военные сообщества лихих наездников степей, служащих или вольных, искусных воинов, свободолюбивых и гордых, многонациональных по составу.

По всей видимости, подобные сообщества появились уже на рубеже древности и средневековья. Однако недостаток достоверных свидетельств не позволяет проследить их историю. Известно о существовании военных общин, в том числе и из славян–рабов, создаваемых политической элитой Хазарского каганата для осуществления экспансии на Северо-запад. По всей видимости, создавались военные дружины и киевскими князьями в противовес степнякам. Присутствие славянского элемента в степных районах Юга России на всем протяжении средневековья несомненно, однако из этого отнюдь не следует вывод о генетической преемственности казаков, скажем, Донского или Кубанского войска XIX в. и славян (и не славян) – членов военных общин IX–XII вв.

Из немногочисленных и противоречивых источников, а так же многочисленных, но не менее противоречивых изысканий историков-казаковедов можно сделать несколько выводов и наблюдений. Первые достоверные свидетельства о казаках в пределах Российского государства относятся к XV в. В дальнейшем упоминания казачества встречаются все чаще, причем как «служилых», так и «вольных» или «воровских». Интересен тот факт, что казачьи сообщества возникают на территориях, не контролируемых ни осколками Золотой Орды, ни другими государствами - в «Диком Поле», куда активно устремляются и татары, и русские, и поляки.–

Именно в XV-XVI вв. появляется возможность колонизации степных

4

просторов Юга России, тогда еще не возвращенного в состав государства. Именно в этот период на историческую сцену выходят вольные казачьи сообщества на Украине в Запорожье, на Дону, Тереке и Яике. Государство не могло полностью контролировать вольных казаков, поэтому с ними предпочитали «дружить», нерегулярно выплачивая жалованье за «службу». Эти казаки выполняли важнейшую государственную задачу - покорения и освоения новых территорий.

В годы Ливонской войны возрастает потребность в «служилых» казаках. Численность стрельцов и казаков равнялась примерно 20.000, а только в походе 1563 г. участвовало 6.054 казака. Появляется необходимость регламентации вопросов прохождения службы городскими казаками, что и было сделано в «Уставе сторожевой станичной службы», составленным М.И. Воротынским по указанию Ивана IV. Согласно «Уставу» казаки несли дозорную службу в «украинных» городах совместно с детьми боярскими в составе «станец». За «небрежение» в службе полагалось битье кнутом и смертная казнь, а вознаграждение вообще всем «станичникам» - не ниже 150 десятин земли. Для такой службы отбирались только «добрые и конные» казаки, которым прибавлялся поместный оклад и жалованье.

В дальнейшем порядок прохождения службы и ее вознаграждения уточнялись и закреплялись в Соборном Уложении 1649 г. в главах XVI, XIX, XXIV. Основная обязанность «государевых ратных людей» заключалась в глубокой разведке на окраинах, оберегании городов и торговых трактов и вообще «всяких ратных службах». В качестве вознаграждения казаки могли иметь неотчуждаемый земельный надел, освобождались от натуральных повинностей и податей, а также получали государево жалованье (деньгами и натурой). Например, казакам Сибири за выполнение службы и обязательств не изменять, не воровать, не бежать и пр., полагалось жалованье в размере 4–8 рублей и 30–50 пудов муки (что было значительно ниже жалованья других ратных людей по прибору).—

Также уже в этот период появляются первые законодательные акты,

направленные на сословную изоляцию казачества. В Сибири во второй половине XVII в. ограничивается право выхода из казачьего состояния, на южных окраинах ограничивается право записывать в «дворянские дети» казаков (1651 г.), а затем и вовсе запрещено верстать их в поместную службу (1675 г.).— Таким образом, наметилась магистральная линия политики правительства по отношению к казачеству – подчинение и инкорпорация в государственный организм на положении военно-служилого сословия.

Переломным моментом в судьбе казачества стало царствование Петра I. В 1721 г. казачьи войска перешли в ведение Военной коллегии. Ранее, несмотря на «крестное целование» донскими казаками в 1671 г., все сношения с «вольными» казаками осуществлялись через Посольский приказ. Фактически в течение столетия «вольные» казачьи сообщества перестали существовать. Они были включены в орбиту влияния российской государственности, получили «правильную» организацию и постепенно превращались в сословие. Логика исторического процесса неумолима – по мере «закрытия» пограничных зон надобность в отважных и умелых воинах-колонизаторах отпадает.

Однако российское казачество успешно просуществовало вплоть до начала XX в. Уникальность российского казачества обуславливается уникальностью исторического пути России. До начала XX в. в стране были огромные территории, требующие колонизации, что выступало своеобразным «гарантом» существования казачества, наиболее приспособленного для решения колонизационных задач. С другой стороны, в стране, отягощенной феодальными пережитками, с режимом, опирающимся на довольно узкую социальную базу, казачество как опора самодержавия было «обречено» на «поддержку» со стороны правительства и «защиту» от размывания как военного сословия.

Следует отметить, что современники прекрасно осознавали

неизбежность исчезновения казачества по мере продвижения российских границ и превращения казачьих областей во внутренние территории. Например, при переселении черноморских казаков на Кубань правительство особо не вмешивалось во внутреннее устройство, порядок жизни. Несмотря на появление в 1802 г. «Положения об управлении Черноморией», а в 1842 г. «Положения о Черноморском казачьем войске», действительное влияние Кавказской администрации на внутреннюю жизнь черноморских казаков было крайне невелико, не говоря о центральных властях.

В середине XIX в., на завершающем этапе Кавказской войны, задачи правительства изменились кардинально – необходимо было освоить регион в хозяйственно–экономическом отношении. С этой целью был проведен комплекс реформ, суть которых видна из всеподданнейшего отчета по военному министерству за 1868 г.: «...главная мысль, которую руководствуется Военное Министерство в предположениях своих о преобразованиях в казачьих войсках состоит именно в том, чтобы объединить, сколько возможно, казачье сословие с другим, совместно с ним обитающим населением под одним общим гражданским управлением, сохранив отдельность только в военном устройстве казаков, в собственном хозяйстве войсковом и военной администрацией».— Однако на практике оказалось, что интересы казачества как военного сословия практически не учитывались, а решения принимались в пользу гражданских властей и «развития гражданственности» у казаков.

Обращаясь к рассуждениям должностных лиц Кавказа того времени, видно понимание неизбежности и необратимости процесса расказачивания военного сословия. Михаил Тариевич Лорис–Меликов писал: «...и казачество заметно утратило уже прежний характер той сторожевой цепи, которою искони прикрывались окраины России сопредельные с враждебным и

хищническим населением востока, и хотя нет сомнения в том, что оно служит и будет служить лучшим залогом сохранения спокойствия на Северном Кавказе (а в Терской области особенно), но, тем не менее, нельзя не признать, что активная роль казачества уже едва ли окажется здесь необходимою, оно будет влиять скорее одним присутствием своим, вселяя в горцев нравственное убеждение в полной невозможности сдвинуть русское население с места».

Весьма ценно замечание М.Т. Лорис-Меликова, указывающее на изменение характера службы казаков с окончанием Кавказской войны. По мнению наказного атамана Терского казачьего войска в 60–е гг. XIX в. казаки несли службу не военную, а полицейскую. Собственно военная служба для них теперь была уже службой на кордонах русско-турецкой и русско-персидской границ, отдаленных от мест проживания, которые казаки должны были собственно охранять в предшествующий период. В этих условиях Кубанское и Терское казачьи войска, как и Донское, переходят в разряд «внутренних войск», то есть могут давать переселенцев для новых войск, своим присутствием способствовать сохранению мира на Кавказе. Однако, по мнению М.Т. Лорис-Меликова, «...роль и задача казачества (выделено автором – А.М.) на Северном Кавказе уже окончена, в том, конечно, смысле, в каком казачество наиболее оказывало услуги России, т.е. в смысле вооруженной охраны пределов ее, и упрочнения за нею, путем постепенной колонизации, территории, занимаемой силою оружия».–

Исходя из выше сказанного, М.Т. Лорис-Меликов предлагал разделить казаков на две части, первой из которых разрешить выход из казачьего сословия, облегчить занятия мирным трудом. Для второй же, видимо из «природных казаков», наоборот – приоритетным оставить военную службу, чтобы дать выход их «энергии».–

Такие взгляды были довольно распространены. Так исполняющий

должность наказного атамана Кубанского казачьего войска генерал–лейтенант Николай Агапович Иванов писал о будущем устройстве казачьих войск на Кавказе: «Ибо, как ни полезно казачество, в известных случаях, но излишек его, для государства, во многих отношениях, бесспорно, тягостен».

Казачество как иррегулярная воинская организация представляло собой, несомненно, феодальный институт. Судьба казачества активно обсуждалась и военными, и широкими кругами общественности на страницах периодической печати в период проведения буржуазных реформ 1860-70-х гг. – во многом ключевом периоде в судьбах казачьих войск России. Благодаря усилиям Д.А. Милютина и передовых российских офицеров, российская армия, реформирование которой велось с начала 1860-х гг., становилась более механизированной, приближалась к армиям буржуазных стран. Вводились новые принципы организации и комплектования армии. Казачьи войска в этих новых условиях становились анахронизмом. Однако смена политического курса, произошедшая со смертью императора Александра II, предотвратила возможную ликвидацию казачьих войск как иррегулярных формирований. Проведение политики контрреформ коснулось казачьих войск - в Кубанской области были проведены реформы с целью создания администрации «исключительно казачьей по составу и духу».

Автор данной статьи уже обращался к вопросам прохождения казаками военной службы, анализу мобилизационных возможностей и стоимости совокупности повинностей кубанского казачества во второй половине XIX-начале XX в.— В развитии взглядов на казачество и воинскую повинность казаков во второй половине XIX - начале XX вв. наблюдались следующие изменения. Период стремления сблизить казачество с гражданским населением и взглядов на кавказское казачество как на войска внутренние, уже потерявшие боевое

значение, довольно быстро исчерпал себя. Необходимость реформирования армии осложнялась значительными финансовыми трудностями, что подталкивало правительство к более широкому использованию казачьих частей как в военное время, так и в мирное для кордонной службы, наведения внутреннего порядка. Начиная с 80-х гг. XIX в. правительство предпринимает ряд мер по сословной изоляции казачества и недопущению полного слияния казаков с податными сословиями. Происходит изменение самого характера службы, все больший удельный вес занимают полицейские функции, усиливается внимание к казачеству как опоре самодержавия, принимаются меры по поддержанию в казачьей среде строевого образования и наездничества.

Несмотря на усилия правительства, казачьи войска все менее и менее становятся способными к выполнению службы наравне с регулярной кавалерией. Причины этому были как социально-экономические (дороговизна лошадей и обмундирования), так и военные (некачественный офицерский состав, трудности в комплектовании частей, недостатки общего командования и нецелесообразное использование возможностей казачьих подразделений).

Меры правительства по облегчению воинской повинности носили косметический характер, тогда как причины упадка казачества лежали в области протекавших социально-экономических процессов и связанных с развитием капитализма структурных изменениях российского общества.

В данной связи интересным будет обращение к историографии кубанского казачества как военной силы. Как ни парадоксально, но, несмотря на то, что казачество имеет ореол отважных воинов – защитников отечества, серьезных исследований по данной проблеме практически нет.

Основные этапы истории обмундирования и вооружения кубанских

казаков были отражены в работах военных историков - А.В. Висковатого, И.Д. Попко, В.Т. Холстова, И.Е. Гулыги, В.А. Потто, которые дали общую характеристику экипировке кубанского казачества. В отношении же военной составляющей дореволюционные историки ограничивались описанием стычек казаков и горцев, указывая на мужество и героизм казаков. Это касается практически всех работ, как фундаментальных исследований по истории Кавказской войны Н.Ф. Дубровина, В.А. Потто, так и работы Ф.А. Щербины. Следует отметить, что Ф.А. Щербина останавливался на особенностях прохождения воинской службы, тактике, используемой казаками, но далее этого не пошел. – В фундаментальном труде о казачестве Российской империи, подготовленном к столетию военного министерства, основное внимание уделено законодательным изменениям в порядке прохождения казаками службы, численности частей и практически не анализируются ни мобилизационные возможности, ни тактико-технические вопросы.

В 1880-1890-е гг. появляются работы С. Заколюжного и П.Я. Бугайского, которые пытались в героическом свете подать военное прошлое казаков, оценить возможности использования казаков в условиях современной войны. Как представляется, эти работы – своеобразный ответ казачьих авторов-идеологов «атакам» на казачество как военную силу государства. Например, г-н Новицкий, предлагал вообще упразднить Главное Управление казачьих войск и сами казачьи войска за ненужностью. –

Гораздо больший интерес в данной связи представляют работы, посвященные вопросам развития русской армии в целом и кавалерии, войнам, которые вела Россия. Весьма показательны замечания по поводу использования кавалерии, значительная часть которой состояла из казаков, П.Н. Баженова в составе Передового отряда в русско-турецкую войну 1877-78 гг. ореол исключительности и героизма прочно утвердился за

передовым отрядом. Автор предлагает беспристрастно взглянуть на фактическую сторону дела. На начальном этапе боевых действий кавалерия подверглась многочисленным переформированиям, никак не оправданным с точки зрения военной необходимости. Перед передовым отрядом ставились задачи рейдов, разрушения железных дорог, а также после выдвижения в направлении Тырнова и Сельве – задача «двинуться вперед и стараться овладеть Балканским проходом», а после овладения проходом и его перехода – «поднять там население и рассеять турецкие отряды».

П.Н. Баженов задается весьма уместным вопросом – как можно было силами отряда выполнить поставленные задачи? Совершенно очевидно, что задача глубоких рейдов с разрушением коммуникаций и диверсионными действиями мог выполнить сильный кавалерийский отряд, в составе не менее дивизии, с самостоятельными тактическими и стратегическими задачами. Овладеть перевалом с использованием кавалерии просто не возможно, а задача рассеивания отрядов противника может быть выполнима только как заключающий этап после действий пехоты и мощной поддержки артиллерии. Вывод П.Н. Баженова следующий: «организация нашего «передового отряда» в войну 1877 года совершенно не отвечала этому требованию, вследствие чего кавалерия его и не могла проявить самостоятельных действий за Балканами, а ограничилась только занятием Балканских проходов, т.е., отряд блестящим образом исполнил задачу не кавалерийского, а простого передового отряда, составленного из трех родов войск».

Нередко в управлении отрядом наблюдалась несогласованность и просто непростительная халатность. Так, 25 июня есаул Афанасьев с полусотней казаков 30-го донского полка получил задание установить связь с Кавказской казачьей бригадой. Задание с трудностями было выполнено, есаул побывал в расположении бригады и вернулся с нулевым результатом, так как еще 21 июня бригада вышла из состава отряда. Этот пример

бессмысленного и использования казачьих подразделений далеко не единичен. Отмечая успехи действий казачьих частей, автор, тем не менее, вынужден указать на не целевое использование Кавказской бригады: «Справедливость требует заметить, что Кавказской бригаде не было поставлено никакой задачи». По сути, использование казачьих сотен ограничивалось бесполезной гоньбой их туда-сюда. При этом, например, доставленные кубанскими казаками сведения о возможности занятия Плевны не были использованы.

Интересно следующее замечание автора: «Желая оправдать чем либо беспрестанное хождение сотен взад и вперед, полковник Тутомлин в своем дневнике, от 25-го числа (стр. 76), говорит, что одним из последствий, предпринятых нами поисков, успокоение и водворение болгар в своих селениях, из которых они до сей поры бежали, при малейших слухах о появлении черкесов и башибузуков».

П.Н. Баженов приходит к выводу, что при существующих взглядах на кавалерию, невозможно успешно использовать этот род войск. При этом, что показательно, отмечает «...но от такого разочарования кавалеристов в самих себе, их вполне могут охранить блестящие действия в том же бою (18 июля под Плевной – А.М.) Кавказской бригады под начальством свиты Его Величества генерал-майора Скобелева...».

Русско-японская война породила всплеск интереса к проблемам армии вообще, казачьих войск в частности. Б.Б. Игнатъев, проанализировав работы П.Н. Краснова, П. Свешникова, В. Усова, А. Свечина, В. Буляковского, Ф. Гершельмана, посвященные непосредственно участию кавалерии в военных действиях, сделал следующие обобщающие выводы. Во-первых, в большинстве случаев (исключение – Уральское войско) ощущалась нехватка офицерского состава, что приводило к доукомплектованию офицерами не знакомыми ни с личным составом, ни с тактикой ведения боя казачьими частями. Во-вторых, у казаков были

весьма низкого качества лошади, низкорослые и малосильные. Казачьи части были вооружены очень разнородно, и зачастую не было возможности обеспечить боеприпасами сводные отряды. В-третьих, огромный казачий обоз сводил маневренность и мобильность к минимуму. Таким образом, необходимо было ликвидировать существующие различия между казачьими и регулярными частями; создать предпосылки для возможности командования казачьими подразделениями при любых обстоятельствах; наладить снабжение и обеспечить вооружение за счет государства. Если же казачьи полки не встанут в вопросах тактики, вооружения и снаряжения наравне с драгунскими полками, то боевая мощь их будет снижена.

В ходе русско-японской войны 1904-1905 гг., по мнению Ф. Гершельмана, кавалерия показала свои худшие качества и требовалась немедленная реорганизация кавалерийских частей, новая тактика ведения боя и использования крупных тактических кавалерийских соединений.

Казачьи отряды использовались как приданные подразделения и не имели самостоятельного значения. Несмотря на такое положение дел, казаки проявили себя с лучшей стороны в сражениях и стычках, которые практически всегда заканчивались победой. Можно с достаточными основаниями предположить, что самостоятельное использование казачьих частей в составе отдельных тактических единиц принесло бы, несомненно, большую пользу. Кроме того, различия между казачьими подразделениями и частями регулярной кавалерии не препятствовали бы успешному выполнению боевых задач, не привело бы к столь критическому отношению к качеству казачьих лошадей, вооружения и обмундирования, к казачьим подразделениям в целом. В этом случае удалось бы в полной мере использовать несомненные достоинства казачьих полков, боевые приемы и навыки. Как представляется, тенденция, обозначившаяся в начале века, на стирание различий между казаками и драгунскими была фактически

«началом конца» казачества как самостоятельной военной силы.

Практически все крупные исследователи (А.Свечин, В.Букляковский, П.Краснов, А.Квиток, Ф.Ростовцев, А.Усов) отмечали тот факт, что в ходе войны практически все небольшие столкновения выигрывали казаки, тогда как крупные сражения армия проигрывала. Эти выводы, как представляется, послужили основанием для некоторых современных исследователей делать выводы о высоких боевых качествах казачьих частей в составе армии, что было несколько не так. Как раз наоборот, участие казачьих подразделений в составе регулярных частей указали на невозможность использования их в том виде, в каком они находились в начале XX в., что, конечно, ни коим образом не принижает мужества и стойкости казаков.

В советский период по понятным причинам военная история кубанских казаков полностью игнорировалась, за исключением фактов участия казачества в подавлении революционных выступлений, действий казаков на стороне советской власти.

Согласно периодизации, предложенной В.Н. Ратушняком, в конце 1980-х гг. завершился советский этап в развитии отечественного обществознания. Действительно, с развитием гласности и демократии в стране казачья проблематика, наряду со многими другими вопросами отечественной истории, стала особо популярна. Причем, если на конференциях по истории казачества 1980-х гг. в основном обсуждались вопросы традиционные – революция, Гражданская война, то в начале 1990-х гг. ситуация кардинально изменилась. Были поставлены новые вопросы, требующие осмысления и изучения – этносоциальная характеристика казачества, военная служба и участие в войнах, вопросы рассказывания и многие другие, игнорировавшиеся в предшествующий период

Работа О.В. Агафонова, охватывающую историю возникновения и

развития всех 11 казачьих войск Российской империи отличается фрагментарностью, компилятивностью и в основном вопросы военной службы казачества рассматриваются в рамках законодательных актов. Как историографический факт можно отметить издание по истории казачества в серии «Иллюстрированная история отечества». В работе в яркой, красочной форме изложены основные вехи в развитии казачества России, причем до XVII в. в книге изложены совершенно мифологические факты и данные. Однако хорошо прорисованы вооружение казаков, быт и нравы. Три работы, изданные в Москве и Ростове-на-Дону дают представление об основных событиях, связанных с участием казачества в войнах, содержат сведения по использованию казачьих подразделений в составе регулярной армии. Материалы по военной истории Кубанского казачьего войска отражены в книге кубанского краеведа В.П. Бардадыма.

Данная работа заслуживает внимания, так как автор при составлении её использовал архивные документы и мемуарные источники, составив хронику боевых действий кубанских казаков. В целом для новейших работ характерно обращение именно к вопросам участи казаков в военных действиях.

Современные исследователи, обращаясь к военной истории казачества России опять-таки указывают на ратные подвиги, участие в войнах, практически полностью игнорируя спорные и малоизученные вопросы – мобилизационные возможности, боевые качества казачьих подразделений, отношение казаков к службе.

Следует отметить книгу О.В.Матвеева «Слово о Кубанском казачестве». Ученый исследовал историю кубанского казачества, затронул вопросы зарождения казачества, участия казачества в войнах, в том числе Гражданской, казачьего хозяйства. Однако работа эта носит скорее научно-популярный характер, при этом автор несколько идеализирует историю участия казаков в военных событиях. Как представляется, такой

подход во многом определялся внешними условиями – в рамках бурного процесса возрождения казачества необходимо было создавать мифологию неказачества, и указанная работа является таким образцом положительной мифологии, направленной на формирование новой идентичности.

Особо следует остановиться на статьях Е.В. Рукосуева и О.Б. Германа. О.В. Рукосуев попытался проанализировать совокупность повинностей казаков в конце XX в., рассчитав ее стоимость, однако следующий шаг – анализ мобилизационных возможностей, автор не сделал. О.Б. Герман указал на особенность эволюции военной службы казаков – в сторону сближения с регулярной армией. Опять-таки, выводов о будущем казачьих подразделений в составе вооруженных сил ученый избежал.– Обращение к данной проблематике следует рассматривать как начало качественно нового этапа в изучении истории казачьих войск.

В данной связи особо следует отметить исследования В.Е. Науменко, Б.Е. Фролова по истории формирования войсковых регалий, и исследование О.В. Матвеева, Б.Е. Фролова по униформологии кубанских казаков.– В указанных работах авторы подробно исследовали эволюцию изменений обмундирования и вооружения казаков Кубанского войска. Выводы авторов о зависимости смены вооружения от изменений характера войны особо ценны в контексте проблемы оценки военных качеств казачьих подразделений.

В заключении следует отметить следующее. На сегодняшний день собран огромный фактологический материал, отражающий участие казаков в военных действиях, исследованы вопросы униформологии и вооружения. Однако не решенными остаются следующие вопросы. Каково было будущее казачества как военного сословия в условиях превращения казачьих областей во внутренние территории? Некоторые исследователи казачества считают, что все без исключения казачьи войска являлись специфическими пограничными формированиями, защищавшими окраины

Российской империи. Такой точки зрения придерживается А.Н. Дубинин, полагая, что штатная структура казачьих частей, их вооружение, формы и способы ведения боевых действий отвечали именно этим задачам. Следует ли отсюда вывод о неизбежном исчезновении казачества как военного сословия в условиях развития капитализма?

Недостаточно исследованы вопросы взаимодействия казачьих подразделений и регулярных частей, не проанализированы в должной мере мобилизационные возможности казачьего войска в условиях повышения требований к качеству вооружения и обмундирования.

Данные вопросы особо актуальны в современных условиях. На сегодняшний день, как представляется, процесс казачьего возрождения зашел в своеобразный тупик: что и каким образом возродить – на эти вопросы не даны четкие ответы. Одновременно научная общественность отошла от политических споров и началось глубокое позитивное исследование истории казачьих войск,—

пока еще не давших четких ответов на вопросы современности.

Как представляется, назрела необходимость комплексного исследования порядка прохождения казаками военной службы в контексте всей совокупности повинностей по отношению к государству в исторической ретроспективе, исследование обеспечения государственной службы, проблема изменений характера военной службы, взаимодействия казаков с регулярной армией, перспектив использования казачьих войск как военной силы.